
И. И. Крупник

СТАНОВЛЕНИЕ КРУПНОТАБУННОГО ОЛЕНЕВОДСТВА У ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ

Исключительная роль оленеводства в традиционном хозяйстве народов Севера не раз отмечалась многими исследователями. Подчеркнем, однако, что при изучении северного оленеводства главное внимание уделялось обычно либо самым ранним этапам его развития (месту и времени доместикации оленя, дальнейшим путям распространения оленеводства и т. п.), либо, напротив, классификации его основных этнографических типов в их «современном» виде, т. е. по материалам XIX — начала XX в. Вопросы же исторической эволюции оленеводства с момента его появления на Крайнем Севере и вплоть до XIX в. разработаны значительно слабее. В настоящей статье мы остановимся на некоторых аспектах развития оленеводческого хозяйства тундровых ненцев за период XVI—XIX вв.¹, уделив главное внимание анализу изменения роли оленеводства во всем хозяйственно-производственном комплексе и в первую очередь в процессе производства продуктов питания. Общеизвестно, что интересы любой натуральной экономики (или экономики с элементами обмена) направлены прежде всего на производство пищи и затем уже на удовлетворение всех остальных потребностей. Поэтому питание и бытовое материальное производство (одежды, жилища и т. д.) и представляются нам теми весьма удобными этнографическими показателями, по которым лучше всего можно судить об эволюции хозяйственной жизни общества, особенно на ранних этапах его развития.

Имеющиеся этнографические сведения о хозяйстве ненцев (самоедов) вплоть до середины XVIII в. крайне противоречивы. В одних сообщается, что самоеды вели бродячий образ жизни, занимались охотой и рыбной ловлей, питались рыбой, птицей и мясом диких животных и одевались в звериные шкуры. В других, напротив, говорится, что самоеды имели домашних оленей, ездили на них, питались оленьим мясом и одевались в шкуры оленей. Наконец, в-третьих описывается на этой же территории народ, который жил оседло на берегу моря, занимался морским зверобойным промыслом и питался рыбой и мясом морских животных.

Неудивительно поэтому, что при определении действительной структуры хозяйства ненцев XVI—XVII вв. возникли прямо противоположные точки зрения. Так, С. В. Бахрушин, как известно, считал самоедов

¹ Мы не рассматриваем здесь проблемы изначального появления оленеводства в районах, населенных сейчас тундровыми ненцами, присоединяясь к наиболее распространенной ныне точке зрения о том, что оленеводство (мелкотабунное, транспортное, по-видимому, выючного типа) было принесено сюда с юга древними самодийцами на рубеже I—II тысячелетий н. э., причем аборигенное досамодийское население было, очевидно, уже знакомо к этому времени с собачьей упряжкой и использованием оленя-манщика. См. С. И. Вайнштейн, Проблема происхождения оленеводства в Евразии, II, «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1971, № 5, стр. 51; см. также: Г. М. Васильевич, М. Г. Левин, Типы оленеводства и их происхождение, СЭ, 1951, № 1, стр. 78—81; Л. П. Лашук, Очерк этнической истории Печорского края, Сыктывкар, 1958, стр. 58; В. И. Васильев, Система оленеводства лесных энцев и ее происхождение, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1962, вып. 38, стр. 73, 74.

XVII в. самыми типичными представителями кочевников-оленоводов тундры. По его мнению, они жили в то время главным образом за счет продуктов забоя своих стад, питались в основном оленьим мясом, одевались в оленьи шкуры, делали из них постели и жилища и даже выплачивали ими в некоторых местах ясак и другие подати². Чисто оленеводческим считали также хозяйство ненцев XVII—начала XVIII в. и А. В. Смирнов³ и, наконец, в недавнее время Н. А. Миненко, утверждающая, в частности, что развитое крупнотабунное оленеводство существовало у ненцев (сибирских) не только уже с самого начала XVIII в., но, по всей видимости, и значительно раньше этого времени⁴.

Напротив, в последние годы, как известно, преобладающей стала прямо противоположная точка зрения о сравнительно позднем (середина — конец XVIII в.) происхождении того «классического» типа тундрового крупнотабунного оленеводства, которое хорошо известно по источникам XIX — начала XX в.⁵ До этого времени, т. е. вплоть до середины XVIII в., у всех тундровых народностей Крайнего Севера — ненцев, предков тундровых энцев и нганасан, юкагиров, чукчей⁶ — преобладало комплексное промысловое хозяйство с господством охоты и рыболовства и транспортным вспомогательным оленеводством. Главную роль в таком хозяйстве играла охота на дикого северного оленя, поставлявшая мясо и жир для питания, шкуры для одежды, обуви и покрытия жилищ. Домашние олени использовались исключительно для транспорта и имелись в очень ограниченном количестве — максимальные, известные по источникам XVII в., размеры отдельных стад не превышали 100 голов⁷.

Специально для ненцев (европейских) этот вывод еще в 1956 г. сделала, как известно, Е. И. Колычева, показавшая, что в течение всего XVII в. поголовье домашних оленей у ненцев было крайне малочисленным. Владелец стада в 40 голов уже считался «сильным»; оленей очень берегли и забивали на мясо только в исключительных случаях⁸. Подчеркнем, что все ранние источники по этнографии ненцев (XV—XVII вв.) действительно указывают с полной определенностью лишь на использование домашних оленей в качестве транспортных (и жертвенных)⁹ животных; там же, где говорится о пище, одежде или жилище, либо не сказано конкретно, о каких именно оленях идет речь (домашних или диких)¹⁰, либо прямо упоминаются олени дикие, служащие объектом

² С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III, ч. 2, М.—Л., 1955, стр. 5—7 (Самоеды в XVII веке).

³ А. В. Смирнов, Племена Самояды по русским историческим документам XVII века, канд. дис., Л., 1955, стр. 117.

⁴ Н. А. Миненко, Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в., Новосибирск, 1975, стр. 152, 153.

⁵ См. «Общественный строй у народов Северной Сибири» М., 1970, стр. 39; Л. В. Хомич, Ненцы, М.—Л., 1966, стр. 51; И. С. Вдовин, Очерки истории и этнографии чукчей, М.—Л., 1965, стр. 9—17, и др.

⁶ До начала XVIII в. также и у «оленных» коряков. См. И. С. Гурвич, Проблема происхождения оленеводческих подразделений северо-восточных палеоазиатов в свете этнографических данных, в сб. «Этногенез народов Северной Азии», I, Новосибирск, 1969, стр. 149, 150.

⁷ «Общественный строй у народов Северной Сибири», стр. 39, 98.

⁸ Е. И. Колычева, Ненцы Европейской России в конце XVII — начале XVIII века, СЭ, 1956, № 2, стр. 79.

⁹ См. «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», Л., 1937, стр. 238.

¹⁰ Примечательно, что мясо этих оленей всегда фигурировало в перечне той «зверской и отвратительной пищи» (вместе с рыбой, дичью и падалью), которой питались самоеды, и служило обычно одним из главных аргументов для подчеркивания их крайней дикости. Разумеется, что забой самоедами на мясо и шкуру своих домашних оленей имел бы в глазах русских и иностранных путешественников совсем другое значение. См.: М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, Иркутск, 1932, т. I, стр. 201, 272; «Сибирские летописи», СПб., 1907, стр. 243, 263.

охоты, т. е. промысла¹¹. Наконец, совершенно недвусмысленная характеристика хозяйства самоедов середины XVIII в. дана у И. Г. Георги:

«У них (самоедов) почти у всякого есть по несколько, а у иных по 100 и по 150 смиренных оленей. Они ездят на них верхом и впрягают их в санки; едят же только издохших или изувеченных; однако ж убивают иногда для жертвоприношения и здоровых... Звериная и рыбная ловля могут почестся общими упражнениями и главнейшими отраслями пропитания. В странах их водятся наиболее и к наивысшей их пользе дикие олени, которыми они наипаче питаются, кожами их одеваются, покрывают свои юрты, спят на них; мясо и рыба служат им вседневною и непрременною пищею»¹².

О малочисленности домашних оленей у тундровых ненцев XVII в. свидетельствует и тот факт, что, по сообщениям многих авторов того времени¹³, оленей в упряжку запрягали обычно по одному, реже — по два. В настоящее время, как известно, все северные самодийские оленеводы (ненцы, энцы, нганасаны) запрягают в легковые нарты зимой обычно три — пять, а летом даже пять — семь оленей. Наконец, во многих источниках XV—XVII вв. говорится о широком использовании самоедами для перевозок не только оленей, но и домашних собак. Согласно М. Г. Левину, еще в конце XV в. собачий транспорт был шире распространен и более доступен, чем олений, и лишь постепенно был вытеснен последним¹⁴. Следовательно, даже транспортное значение ненецкого оленеводства в XVI—XVII вв. могло быть не столь уж значительным, как это представлялось впоследствии многим исследователям.

Приведенные выше материалы дают нам все основания полагать, что экономика ненцев XVI—XVII вв., несмотря на наличие у них небольшого числа транспортных домашних оленей, в целом имела скорее промысловый, т. е. присваивающий характер. Главную роль в жизни ненцев XVII в. играли, как видно, не оленеводство, а охота и рыболовство; мясо диких животных (в первую очередь диких оленей), птица и рыба служили ненцам основной пищей; из шкур диких оленей и пушных зверей они шили одежду и обувь, делали постели, покрывки для жилищ и т. п. Наконец, даже ясак и другие подати самоеды XVII в. платили, видимо, шкурами и ровдугами тех же диких оленей, а не домашних, как считал С. В. Бахрушин¹⁵. Немногочисленные домашние олени, которые, возможно, имелись даже не в каждом хозяйстве¹⁶, служили исключительно как транспортные и жертвенные животные¹⁷ и забивались на мясо только при самых крайних обстоятельствах¹⁸.

¹¹ См., например, у Исаака Массы (1612 г.), Адама Олеария (1647 г.) (М. П. Алексеев, Указ. раб., стр. 249, 250, 285); Юрия Крижанича (ок. 1680 г.) (А. Титов, Сибирь в XVII веке, М., 1890, стр. 189).

¹² И. Г. Георги, Описание всех обитающих в Российском государстве народов также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей, ч. III, СПб., 1777, стр. 7—9.

¹³ Исаака Массы, Иеронима Мегизера, Джона Мильтона (М. П. Алексеев, Указ. раб., стр. 250, 273, 296 и др.). См. также: П. М. де Ламартиньер, Путешествие в северные страны, «Зап. Моск. археолог. ин-та», т. XV, 1912, стр. 48, 49; Б. О. Долгих, Очерки по этнической истории ненцев и энцев, М., 1970, стр. 134.

¹⁴ М. Г. Левин, О происхождении упряжного собаководства, СЭ, 1946, № 4, стр. 101; Г. М. Василевич, М. Г. Левин, Указ. раб., стр. 79.

¹⁵ Это убедительно показал на примере энцев и канинских ненцев Б. О. Долгих (Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 25, 26, 133, 134).

¹⁶ «Для XVII в. наибольшая известная нам численность оленьего стада у ненцев — 100 голов (Е. И. Колычева, Указ. раб., стр. 79). У нганасан середины XIX в. при господстве такой же системы хозяйства каждая семья имела не более 10 оленей (см. А. А. Попов, Нганасаны, «Труды Ин-га этнографии» (далее — ТИЭ), т. 3, М.—Л., 1948, стр. 55).

¹⁷ Домашние олени также, видимо, служили издавна средством уплаты за невесту.

¹⁸ О том, какой редкостью в то время было мясо домашних оленей, можно судить хотя бы по тому, что де Ламартиньеру и его спутникам за все время своего путешествия удалось поесть его только один раз — на званом приеме, устроенном в их честь в Пустозерске московским воеводой (см. де Ламартиньер, Указ. раб., стр. 55).

Разумеется, мы не собираемся здесь ставить под сомнение сам факт наличия у ненцев в XVII в. или даже в более раннее время транспортного оленеводства. Однако, по нашему мнению, использование домашних оленей для транспорта еще не равнозначно понятию «олeneводческое хозяйство», под которым надо все же понимать особый вариант скотоводческой экономики, основанной на широком использовании (прежде всего в питании и бытовом материальном производстве) домашних оленей или получаемых от них различных побочных продуктов. Такого оленеводческого хозяйства у ненцев XVI—XVII вв. еще не было. Добавим также, что в отличие от некоторых других народностей Северной Евразии ненцы в XVII в. (как и в более позднее время), по всей вероятности, не использовали в пищу оленье молоко или молочные продукты. Поэтому совершенно прав, на наш взгляд, В. А. Шнирельман, утверждающий, что «Проникновение производящей экономики и проникновение отдельных домашних животных — далеко не равнозначные явления. В первом случае происходит постепенное вытеснение старых форм хозяйства производящей экономикой, ...во втором — проникновение домашних животных приводит лишь к интенсификации старой формы хозяйства — охоты»¹⁹. По мнению В. А. Шнирельмана, последняя ситуация была как раз характерна для охотничьих народов Сибири, у которых «олeneводство... существовало лишь в качестве отдельных скотоводческих элементов (разрядка наша. — И. К.), не определяя основного направления их хозяйства»²⁰.

Поэтому представляется, что между оленеводством тундровых ненцев XVII в. и крупнотабунным оленеводческим хозяйством ненцев XIX—XX вв. существовали не просто качественные, но принципиальные различия. В первом случае — это отдельные элементы скотоводства в рамках в целом промыслового хозяйства, во втором — развитая форма производящей экономики в виде кочевого скотоводства мясо-шкурного направления. С этих позиций ненцев XVI—XVII вв. было бы, видимо, правильней считать не «олeneводами», а «поздними охотниками», и соответственно не объединять их с ненцами XIX—XX вв. в едином хозяйственно-культурном типе «олeneводо-в тундры» (как это традиционно делается), а относить их к иному, особому типу. Этот хозяйственно-культурный тип, не получивший пока своего определения в нашей литературе²¹, может быть назван «охотники-олeneводо-в тундры и лесотундры»²². Для него характерны: преобладающее значение в хозяйстве охоты (на дикого оленя, линную птицу, пушного зверя) и рыболовства; менее мобильный по сравнению с настоящим крупнотабунным оленеводством, образ жизни; резкая сезонная изменчивость основных видов хозяйственной деятельности; наличие небольшого числа транспортных домашних оленей; питание мясом диких зверей, птиц и рыбой; употребление в пищу мяса домашних оленей только в крайних обстоятельствах; одежда из шкур диких оленей или других диких зверей; жилище: летнее — «палатка

¹⁹ В. И. Шнирельман, Некоторые проблемы происхождения и распространения животноводства, СЭ, 1974, № 3, стр. 50.

²⁰ Там же, стр. 50, 51. Надо, впрочем, отметить, что это положение не является общепризнанным и идет вразрез, например, с традиционным отнесением охотников-олeneводо-в Сибири в целом к группе «скотоводческих народов».

²¹ Как известно, к пяти выделенным М. Г. Левиним на территории Северной Сибири хозяйственно-культурным типам Я. В. Чеснов предложил в 1970 г. добавить еще один — охотников тундры и лесотундры (см. Я. В. Чеснов, О социально-экономических и природных предпосылках возникновения хозяйственно-культурных типов, СЭ, 1970, № 6, стр. 16), однако он в данном случае имел в виду безоленных (пеших) охотников.

²² Правильнее было бы назвать этот хозяйственно-культурный тип «охотники-рыболовы-олeneводо-в тундры», подчеркнув этим высокую роль в хозяйстве рыболовства; но для удобства мы все же будем употреблять более краткое название.

из оленьих шкур, подпертая кольями и шестами»²³ (чум?); зимнее — полуземлянка круглой формы с высокой конической крышей, покрытая шкурами диких оленей или даже дерном²⁴. В некоторых наиболее благоприятных местах на побережье важным элементом данного хозяйственного комплекса был также летний промысел морского зверя²⁵.

Помимо ненцев XVI—XVII вв., представителями этого же хозяйственно-культурного типа «охотников-оленоводов тундры» могут считаться энцы XVII—XVIII вв., чукчи XVII в., нганасаны (до середины XIX в.), тундровые оленные юкагиры (до начала XX в.). Наличие в хозяйстве всех этих народностей немногочисленных домашних оленей несколько не меняло его общий промысловый характер. Как и у ненцев XVII в., олени здесь использовались почти исключительно для транспорта, а пищу, одежду, материалы для жилища и бытовых нужд давали охота и рыболовство.

Более поздние этнографические материалы о ненцах XVIII—XIX вв. дают нам возможность проследить, как на основе хозяйства таких оленьих охотников и рыболовов вырастает подлинное крупнотабунное тундровое оленеводство.

Со второй трети XVIII в. во всей тундровой полосе, заселенной ненцами, начинается неожиданно быстрый рост поголовья домашних оленей, которое к концу XVIII в. достигло в европейской тундре 160 тыс. голов²⁶. Если еще в XVII в. максимальный размер стада у европейских ненцев составлял всего 100 голов²⁷, то к концу XVIII в. богатые оленеводы-ненцы имели уже по 1000 и более домашних оленей, средние — 100—200, а бедные не менее 10²⁸. Еще более высокие цифры приводятся у И. И. Лепехина: богатые ненцы — 1500—2000 оленей, средние — 500—700, малоимущие — 20—30, бедные — 10²⁹. Наконец, у сибирских ненцев в это время (1774 г.) «олений бывает у скуднейшего до десяти, у богатого стадо до трех тысяч езжалых, но кроме сих уже за множеством неизвестное ему число ненаезженных оленей по тундре в стадах просто шатаются»³⁰.

Итак, перед нами несомненно резкий скачок в развитии ненецкого оленеводства, произошедший за каких-нибудь сто лет. Однако столь бурное развитие крупнотабунного оленеводства не привело сразу же к радикальной перестройке экономики ненцев. Домашние олени, число которых нередко измерялось уже сотнями и тысячами голов на одно хозяйство, все так же использовались лишь как транспортные животные, а пищу, материалы для одежды, жилища и бытовых нужд по-прежнему поставляли охота и рыболовство. В. Ф. Зуев специально подчеркивал, что «их (самоедов) экономию можно разделить так, что рыболовство их пропитание, а олени богатство заключают. Оленные мужики, которые стадам своим счету не знают, равным образом жалуются на голод во

²³ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», стр. 115.

²⁴ Описание такого жилища имеется, например, у И. Г. Георги: И. Г. Георги, Указ. раб., стр. 7.

²⁵ Примечательно, что именно так В. Г. Карцов описывал хозяйство азиатских ненцев XV—XVII и даже XVIII вв. еще в 30-е годы. См. В. Г. Карцов, Очерк истории народов Северо-Западной Сибири, М., 1937, стр. 14, 15 и сл.

²⁶ В. Н. Латкин, Дневник во время путешествия на Печеру в 1840 и 1843 гг. «Зап. ИРГО», кн. VII, СПб., 1853, ч. I, стр. 106, 107.

²⁷ Е. И. Колычева, Указ. раб., стр. 79. Считая в среднем даже по 30—40 оленей на одно хозяйство, общую численность домашних оленей у европейских ненцев в XVII в. (около 300 хозяйств) можно определить всего в 10—12 тыс. голов.

²⁸ «Вопросы и ответы о состоянии земли, обитаемой самоедами и о их промыслах», «Новые ежемесячные сочинения», СПб., 1787, ч. IX, март, стр. 4, 5.

²⁹ И. Лепехин, Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, ч. IV, СПб., 1805, стр. 229.

³⁰ В. Ф. Зуев, Материалы по этнографии Сибири XVIII в., ТИЭ, т. 5, М.—Л., 1947, стр. 32.

время недостатку рыбы, как и бедные. А богатый сносит тот же голод... а оленей своих бить жалеет»³¹.

Налицо, следовательно, резкое несоответствие социально-экономического и пищевого (точнее, производственно-пищевого) значения крупнотабунного оленеводства у ненцев в конце XVIII в. Интересно, что точно такая же картина наблюдалась в это самое время и на северо-востоке Азии у чукчей, где также происходил неожиданно бурный рост тундрового оленеводства³². Несмотря на огромное количество домашних оленей (до 10 тыс. у богатых оленеводов), оленные чукчи «наипаче питаются всякою дичью и птицами, окольными оленями (ибо здоровых, сколько бы оных у них не было, убивать не любят), морскими зверями, выброшенными на берег китами и раковинами»³³. Наконец, и у нганасанов в 20—30-е годы XX в., т. е. уже 50—80 лет спустя после того как они стали крупнейшими оленеводами в таймырских тундрах, домашние олени, по данным А. А. Попова, также служили исключительно средством передвижения, и поэтому чрезвычайно ценились и оберегались их хозяевами. Пища у нганасанов была по преимуществу мясная или рыбная; употреблялось главным образом мясо диких оленей, домашних же забивали на мясо только в самых исключительных случаях³⁴. Интересно, что «мясо и жир дикого оленя являлись любимой пищей нганасанов, к которой они относились почти с благоговением, в то время как к мясу домашних оленей отношение было сравнительно равнодушное»³⁵. Еще в начале XX в. оленеводы-нганасаны всю одежду, обувь, постели, покрывала для чумов делали из шкур диких оленей, добываемых на охоте.

Как видно, подобное «несоответствие» внешней (социально-экономической) и внутренней (производственно-пищевой) функции крупнотабунного оленеводства не являлось исключительной особенностью ненецкой экономики конца XVIII в. Скорее можно предположить, что такая ситуация характерна в целом для крупнотабунного тундрового оленеводства в начальный период его становления. Судя по материалам А. А. Попова о нганасанах, в обществе на этом этапе еще господствуют традиции прежнего, малооленного образа жизни — стремление максимально беречь домашних оленей; не ездить на них летом, а передвигаться пешком³⁶; забивать их бескровными способами, поскольку «грешно» якобы проливать их кровь³⁷ и т. д. Наконец, самым главным таким пережитком, бесспорно, может считаться уже само нежелание забивать домашних оленей на мясо и шкуру, в то время как достигнутый размер поголовья позволял это делать без всяких ощутимых потерь.

Все это дает нам основание предположить, что неожиданно быстрый расцвет крупнотабунного оленеводства у ненцев в XVIII в. (как, видимо, и у других народов в это же или более позднее время) не был вызван причинами чисто экономического характера: кризисом прежних видов хозяйственной деятельности или истощением традиционных пищевых ресурсов (в первую очередь истреблением стад диких оленей) или, наконец, закономерной внутренней эволюцией самого местного оленеводст-

³¹ В. Ф. Зуев, Указ. раб., стр. 68. Интересно, что, по данным В. Ф. Зуева, сибирские (обдорские) ненцы в конце XVIII в. запрягали в легковую нарту по два-три, иногда даже четыре оленя, т. е. на один-два больше, чем в XVII в., но и на два-три меньше, чем в начале XX в. (В. Ф. Зуев, Указ. раб., стр. 88).

³² И. С. Вдовин, Указ. раб., стр. 17, 18.

³³ И. Г. Георги, Указ. раб., стр. 83.

³⁴ А. А. Попов, Указ. раб., стр. 55, 95.

³⁵ Б. О. Долгих, Происхождение нганасанов, «Сибирский этнографический сборник», I, ТИЭ, т. 18, М — Л., 1952, стр. 8.

³⁶ Это же, как известно, было характерно в недалеком прошлом и для долган и вплоть до настоящего времени — для коряков и чукчей.

³⁷ А. А. Попов, Указ. раб., стр. 95. У ненцев в конце XVIII — начале XIX в. этот пережиток сохранялся уже в виде бескровного убийства только жертвенных оленей (И. Г. Георги, Указ. раб., стр. 10; Вениамин арх., Самоеды мезенские, «Вестник ИРГО», 1855, ч. 14, стр. 120, 121); Л. В. Хомич, Указ. раб., стр. 207.

ва. Напомним, что в советской этнографической литературе пока нет общепринятого объяснения причин столь быстрого становления крупнотабунного оленеводства у народностей Крайнего Севера в XVIII в. Одни авторы связывают его с включением Сибири в состав Русского государства, установлением правопорядка, прекращением междоусобных конфликтов и поддержкой русской администрацией «частнособственнических тенденций богатых оленеводов»³⁸. При всей справедливости такого объяснения оно все же не может, на наш взгляд, быть признано окончательным и прежде всего потому, что во всех главных районах становления крупнотабунного оленеводства в XVII — начале XVIII в. (территории расселения оленных коряков и чукчей, пустозерских и обдорских ненцев, предков тундровых энцев) обстановка была крайне неустойчивой, и столкновения народностей Севера как между собой, так и с русскими продолжались с неослабевающей силой. Поэтому здесь, видимо, скорее следует говорить о благоприятной тенденции, нежели о главной причине становления оленеводства. Некоторые авторы вообще предпочитают не указывать прямо такой причины и называют в качестве дополнительных благоприятных факторов: ограбление соседей и развитие торговли с русскими (для чукчей³⁹), сокращение поголовья диких оленей и необходимость расширения пушного промысла (для ненцев⁴⁰), начало регулярных откочевываний на лето в тундру (для предков энцев⁴¹) и т. п. Наконец, в самое последнее время появились попытки связать становление крупнотабунного оленеводства с изменениями экологических условий Крайнего Севера, однако они сделаны либо в очень общей форме⁴², либо не совпадают с имеющимися историческими материалами⁴³.

По нашему мнению, проблему становления крупнотабунного оленеводства следует решать, учитывая одновременно действие и социально-экономических, и экологических факторов⁴⁴. Анализ статистики оленеводства XIX—XX вв. по Европейскому Северу показывает, что численность поголовья домашних оленей испытывает сложные многолетние колебания, при которых продолжительные периоды подъема чередуются с такими же периодами стабилизации и даже сокращения поголовья. Подобные многолетние (50—70 лет) колебания численности известны и для дикого северного оленя и лося — двух видов копытных, наиболее близких домашнему северному оленю. У диких животных такие колебания численности вызваны последовательным чередованием экологически благоприятных и неблагоприятных периодов, которое связывают обычно с общей цикличностью изменений климата. Такие же благоприятные и неблагоприятные периоды должны существовать и для домашнего северного оленя, поскольку при крайне примитивном экстенсивном кочевом оленеводстве условия существования домашних и диких животных почти не различаются. Суммировав известные материалы о влиянии климата в оленеводческом хозяйстве, удалось установить, что экологически неблагоприятными для северного оленя являются периоды с более

³⁸ «Общественный строй у народов Северной Сибири», стр. 54, 98—100.

³⁹ И. С. Вдовин, Указ. раб., стр. 17—20.

⁴⁰ Л. В. Хомич, Указ. раб., стр. 51.

⁴¹ Б. О. Долгих, Очерки по этнической истории ненцев и энцев, стр. 134.

⁴² Н. Н. Диков, Эпоха первобытной общины, в кн.: «Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней», Магадан, 1974, стр. 70.

⁴³ Л. П. Хлобыстин, Г. Н. Грачева, Появление оленеводства в тундровой зоне Европы, Западной и Средней Сибири, Тезисы докладов конференции «Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему», Л., 1974, стр. 81—86.

⁴⁴ Эти вопросы были подробно рассмотрены автором в отдельной статье (см. И. И. Крупник, Природная среда и эволюция тундрового оленеводства, в сб. «Карта, схема и число в этнической географии», М., 1976). Поэтому здесь, к сожалению, мы вынуждены изложить основные положения в самом общем виде, без ссылок на специальную литературу.

теплым климатом⁴⁵, а экологически благоприятными — с более холодным. Согласно составленной нами на основе имеющихся палеогеографических данных схеме исторических изменений климата Арктики в текущем тысячелетии, в интересующий нас отрезок времени (XVI—XVIII вв.) таких благоприятных периодов было два: 1570—1650 гг. и 1720—1830 гг. (даты даются округленно).

В благоприятные периоды создаются как бы естественные предпосылки для развития оленеводства, поскольку резко уменьшается смертность домашних оленей, улучшается их физическое состояние, увеличиваются темпы естественного воспроизводства поголовья. Однако если мы обратимся к динамике социальных процессов на Крайнем Севере, то увидим, что первый период (1570—1650 гг.) — это, как известно, эпоха основного завоевания Сибири русскими, время резкого обострения обстановки на Севере, усиления войн и междоусобных столкновений. Такие условия могут, бесспорно, считаться социально неблагоприятными для развития оленеводства. Напротив, во второй период (1720—1830 гг.) уже отчетливо проявляется действие положительных социально-экономических факторов, связанных с укреплением государственной власти на Севере. В условиях быстрого роста поголовья домашних оленей такие благоприятные социальные тенденции способствовали скорейшему развитию новых хозяйственных отношений, накоплению опыта и навыков нового типа использования территории, наконец, стабилизации численности оленей. Поэтому столь бурный рост крупнотабунного оленеводства в этот период и явился результатом действующих одновременно благоприятных социальных и экологических изменений, которые привели к развитию сходных хозяйственных процессов в разных частях тундровой полосы Северной Евразии.

Становление крупнотабунного оленеводства постепенно вело к коренной перестройке хозяйственной и социальной организации ненецкого общества. С общим ростом поголовья домашних оленей резко возросло имущественное и социальное неравенство среди ненцев⁴⁶. В условиях переходной промыслово-оленьеводческой экономики большой табун оленей создавал для богатого хозяина-ненца целый ряд дополнительных экономических и социальных преимуществ⁴⁷. В ненецком обществе постепенно выделяется прослойка богатых оленеводов — «оленьих хозяев», пользующихся влиянием и уважением соплеменников, поддержкой и покровительством русской администрации. Наконец, несомненно, самым тесным образом связан со становлением крупнотабунного оленеводства и начавшийся с середины XVIII в. процесс изменения социальной структуры ненецкого общества: распад больших «первоначальных» родов и образование патронимических объединений («ватаг») — зародышей многих будущих родов XIX—XX вв.⁴⁸

⁴⁵ Известно, что тундровый северный олень очень плохо приспособлен к действию высоких летних температур (выше +10°), и уже при +15°С в его организме происходит ряд физиологических нарушений. Поэтому олени обычно очень тяжело переносят теплое лето — они плохо откармливаются, худеют, страдают от кровососущих насекомых. После такого лета плохо проходит гон, возрастает смертность оленей в зимнее и весеннее время, рождается слабый приплод.

⁴⁶ В. Ф. Зуев, Указ. раб., стр. 32; И. Лепехин, Указ. раб., стр. 223; «Новые ежемесячные сочинения», ч. IX, стр. 4, 5; А. И. Андреев, Описания о жизни и упорядочении обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных инородцах, СЭ, 1947, № 1, стр. 100.

⁴⁷ О значении оленей в промысловом охотничьем хозяйстве (на примере эвенков) см.: Н. М. Ковязин, Оленеводство в Эвенкийском национальном округе, «Очерки по промысловому хозяйству и оленеводству Крайнего Севера», Л., 1936.

⁴⁸ См. об этом подробнее: В. И. Васильев, Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан, «Общественный строй у народов Северной Сибири», стр. 189—198; его же, Самодийское население низовьев Енисея, канд. дис., М., 1968, стр. 243—247; Н. А. Миненко, Указ. раб., стр. 178, 179.

Однако все эти хозяйственные и социальные изменения, естественно, растягивались на длительный отрезок времени. В целом этот «переходный» период продолжался примерно 50—70 лет после становления у ненцев крупнотабунного оленеводства, т. е. примерно до рубежа XVIII—XIX вв. Все это время, как можно судить по источникам XVIII в., крупнотабунное оленеводство продолжало существовать в качестве подсобной отрасли в рамках в целом промыслового хозяйства. Весь образ жизни ненцев по-прежнему подчинялся еще производственным интересам охоты и рыболовства, нередко даже в ущерб оленеводству⁴⁹, а их хозяйственный год все так же резко делился по сезонам в зависимости от преобладающего вида промысла. Соответственно по-прежнему различалось по сезонам года и питание ненцев — летом в основном преобладала рыба и птица, зимой — мясо диких оленей, лосей и других животных.

Конечным рубежом этого переходного периода, по нашему мнению, следует считать начало регулярного забивания ненцами собственных домашних оленей на мясо и шкуру, которое можно фиксировать уже по этнографическим материалам начала и даже середины XIX в. Именно с этого момента, на наш взгляд, ненецкое оленеводство наконец становится формой производящей экономики, а ненецкое хозяйство собственно «олeneводческим» в полном смысле этого слова. Такой переход был связан самым непосредственным образом с резким сокращением численности диких оленей на всей территории обитания ненцев. Традиционно считается, что дикий олень был истреблен человеком в результате хищнической охоты. Однако правильней, по-видимому, было бы говорить не о прямом его истреблении, а о вытеснении дикого оленя домашним в тундровых экосистемах, поскольку и дикий олень, и домашний питаются одной и той же растительностью и в этом отношении являются конкурентами⁵⁰. Быстрый рост поголовья домашних оленей неизбежно повлек за собой нарушение экологического равновесия в тундровых биоценозах, что привело в итоге к вытеснению более слабой, точнее, не охраняемой человеком популяции диких оленей.

Эта картина наблюдалась по всей территории тундр Северной Евразии по мере развития крупнотабунного оленеводства. К началу XIX в. дикие олени почти полностью исчезли на территории расселения европейских ненцев и оленных коряков, в середине XIX в. — на Чукотке, к началу XX в. их число резко сократилось на Полярном Урале, Колыском полуострове, в низовьях Колымы и на севере Якутии; в настоящее время близки к исчезновению популяции диких оленей на Ямале и Гыданском полуострове⁵¹.

Не следует, конечно, считать, что поголовье диких оленей сокращалось так же быстро и в той же степени, как росло поголовье домашних, оно постоянно пополнялось, особенно в начальный период развития крупнотабунного оленеводства, за счет убежавших и одичавших домашних оленей. Поэтому если в целом процесс вытеснения дикого оленя домашним носил необратимый характер, фактически он растягивался обычно не менее чем на 60—100 лет, а в некоторых районах Средней и Западной Сибири до сих пор еще не закончился.

⁴⁹ В. Ф. Зуев, Указ. раб., стр. 35; Е. И. Кольчева, Указ. раб., стр. 77; «Новые ежемесячные сочинения», ч. VIII, 1787, стр. 30. Такая же картина, как известно, наблюдалась и у других северных народностей на этой стадии развития оленеводства — чукчей середины XVIII в. (И. С. Вдовин, Указ. раб., стр. 12—15), нганасан начала XX в. (А. А. Попов, Указ. раб., стр. 19) и др.

⁵⁰ См., например: Л. М. Баскин, Северный олень. Экология и поведение, М., 1970; «Дикий северный олень в СССР», М., 1975, и т. д.

⁵¹ Подробней об этом см.: Н. П. Наумов, Дикий северный олень, М.—Л., 1933; И. В. Друри, Дикий северный олень Советской Арктики и Субарктики, М.—Л., 1949; В. Г. Гептнер, А. А. Насимович, А. Г. Банников, Млекопитающие Советского Союза, т. I, М., 1961; Л. Н. Мичурин, О хозяйственном значении диких оленей на Крайнем Севере, «Проблемы Севера», вып. 11, М., 1967; «Дикий северный олень в СССР», и др.

Однако все же в какой-то момент неизбежно наступает тот качественный скачок, когда охота на дикого оленя уже не в состоянии обеспечить все потребности хозяйства в пище и, главным образом, материалах для одежды, жилища и т. п., и появляется, как мы уже отмечали, необходимость в регулярном забое домашних оленей. У европейских ненцев и чукчей этот скачок, как уже отмечалось, произошел в начале XIX в., в то время как у сибирских ненцев, энцев, нганасан, долган он пришелся только на конец XIX — начало XX в.

Более быстрый переход европейских ненцев к регулярному употреблению в пищу мяса домашних оленей был, на наш взгляд, значительно ускорен под влиянием коми-зырянского (ижемского) оленеводства, которое уже с самого момента своего возникновения (конец XVIII в.) являлось высокотоварной формой производящего хозяйства. Регулярные забои ижемцами огромного количества домашних оленей на мясо и шкуру⁵² (до 15—20 тыс. ежегодно в середине XIX в.⁵³), максимальное использование ими всех побочных продуктов забоя оленей (сала, рогов, подшейного волоса и т. п.) и широкая продажа ненцам оленьего мяса несомненно способствовали разрушению прежнего отношения ненцев к своим домашним оленям и стимулировали развитие у них подлинной производящей экономики. К тому же крупнотабунное оленеводство ижемцев еще в большей степени, чем ненецкое, способствовало быстрому вытеснению в европейских тундрах диких северных оленей.

Поэтому именно с середины XIX в. во всей этнографической литературе начинает особенно подчеркиваться преобладающее значение оленеводства в жизни ненцев. По словам В. Иславина, оленеводство «...заменяет самоеду всякое другое хозяйство... в тундре без оленя нельзя быть и без него самоед нищий»⁵⁴. С этого времени мясо домашних оленей сделалось постоянным (хотя и лакомым) продуктом питания — «оно заменяет для самоедов всякую другую пищу и стало, можно сказать, необходимым»⁵⁵. Оленеводство постепенно превращается в развитую, а затем в товарную форму производящего хозяйства, дающую ненцам мясо, сало и кровь для питания; шкуру, кожу, сухожилия, рога, подшейный волос — для бытового производства и поделок⁵⁶; товарную продукцию — для обмена.

Как видно, столь высокая степень «утилитарности» ненецкого оленеводства XIX — начала XX в. прямо свидетельствует о зрелости и современности этой отрасли хозяйства, а не о ее древности и архаичности, как считал в свое время В. Г. Богораз⁵⁷. Оленеводы начинают постоянно убивать животных из собственного стада, питаются их мясом и одеваться в их шкуры не сразу же при переходе от охоты на дикого оленя к такой же «охоте на домашнего», а лишь на заключительной стадии развития оленеводства, да и то нередко под влиянием торговли или более прогрессивного оленеводства своих соседей. Между этой заключительной и начальной стадией развития крупнотабунного оленеводства протекает, как мы уже отмечали, довольно значительный (по-видимому, не менее 50—70 лет⁵⁸) отрезок времени, за который должны обязательно про-

⁵² В. Н. Латкин, например, сообщает об организованном одним богатым ижемцем зайным пункте, где в отдельные годы забивалось по тысяче и более оленей (В. Н. Латкин, Указ. раб., стр. 117).

⁵³ Вл. Иславин, Самоеды в домашнем и общественном быту, СПб., 1847, стр. 71, 72.

⁵⁴ Там же, стр. 39.

⁵⁵ Там же, стр. 34.

⁵⁶ «Народы Сибири» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1956, стр. 614, 615; Л. В. Хомич, Указ. раб., стр. 56.

⁵⁷ В. Г. Богораз, Оленеводство. Возникновение, развитие и перспективы, «Труды лаборатории генетики», т. I, Л., 1933, стр. 243.

⁵⁸ По нашим подсчетам, у европейских ненцев и чукчей этот период занимает 50—80 лет (середина XVIII — начало XIX в.), у нганасан — 80—100 лет (середина XIX — середина XX в.), у сибирских ненцев, по-видимому, более 100 лет (середина XVIII —

изойти постепенная хозяйственная и социальная перестройка общества охотников-оленьеводов и, наконец, коренная ломка всех прежних психических стереотипов и представлений, направленных на сохранение и максимальное оберегание оленьего поголовья. Именно в этот «переходный» период под защитой подобных представлений-«пережитков» и происходит укрепление крупнотабунного оленеводства, вырабатываются принципиально новые методы и навыки использования территории, приобретает опыт крупнотабунного выпаса и охраны поголовья — без всего этого становление оленеводства как господствующей формы тундрового производящего хозяйства было бы, на наш взгляд, невозможным⁵⁹.

Переход от присваивающей экономики к производящей, т. е. от охоты и рыболовства к крупнотабунному кочевому оленеводству, несомненно, должен был способствовать быстрому увеличению численности ненцев. Такое увеличение действительно происходит, но начинается оно, как и следовало ожидать, не с появлением первых крупных стад домашних оленей (середина и конец XVIII в.), а с началом регулярного употребления в пищу оленьего мяса. В XVI—XVII вв., при господстве у европейских ненцев промыслового хозяйства, их численность составляла всего примерно 1300—1400 чел. и практически не увеличивалась⁶⁰. Можно предположить, что это был тот самый «оптимум населения», который был возможен на данной ограниченной территории при данном уровне развития хозяйства. Зато с конца XVIII в. за каких-нибудь 80 лет (1780—1860 гг.) численность европейских ненцев увеличилась более чем в четыре раза, после чего, достигнув цифры 5,5—6 тыс. чел., дальше не увеличивалась и в течение последующих ста лет колебалась на этом уровне (рис. 1—2)⁶¹. Поэтому мы можем считать, что 5,5—6 тыс. чел. — это достигнутый «оптимум населения» на той же самой территории при новой, более производительной форме хозяйства и что соответственно крупнотабунное оленеводство способно прокормить в 4—4,5 раза большее население, чем охота и рыболовство.

Примечательно, что точно такое же соотношение (1:4,4) наблюдалось и на северо-востоке Азии у оленных чукчей, численность которых в XVIII в. составляла около 2 тыс. чел., а к концу XIX в. достигла 8,8 тыс. чел., после чего опять-таки больше не увеличивалась⁶². Следовательно, и здесь крупнотабунное оленеводство оказалось в 4,5 раза более производительной формой использования территории, чем охота на дикого оленя⁶³; за неимением других данных мы и будем придерживаться впредь этой цифры.

В итоге, резюмируя изложенный выше материал, мы можем выделить следующие этапы развития оленеводства у тундровых ненцев.

1. Начальный период (с появления в тундре древних самодийцев или, возможно, даже с появления первых домашних оленей у коренного населения тундры — до начала XVIII в.). Комплексное про-

конец XIX в.), у тундровых энцев и ненцев (юраков) низовьев Енисея — около 150 лет (конец XVIII — начало XX в.).

⁵⁹ Об этом свидетельствуют, например, хорошо известные по историческим и фольклорным материалам случаи попадания больших групп домашних оленей в руки охотников или ранних оленеводов, которые обычно заканчивались быстрой гибелью или уничтожением поголовья.

⁶⁰ Б. О. Долгих, Очерки по этнической истории ненцев и энцев, стр. 22.

⁶¹ Примечательно, что при общем быстром росте всех европейских ненцев за эти 80 лет, численность западных (канинских и тиманских) ненцев особенно возросла в 90-х годах XVIII в., а восточных (большеземельских) — только в 40—50-е годы XIX в., что полностью соответствует имеющимся данным о более раннем исчезновении дикого оленя в западной части европейских тундр по сравнению с восточной.

⁶² Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, ТИЭ, т. 55, М., 1960, стр. 554, 555; И. С. Гурвич, Этническая история северо-востока Сибири, ТИЭ, т. 89, М., 1966, стр. 191, 275.

⁶³ При этом мы, правда, должны принять точку зрения И. С. Вдовина о более широком расселении чукчей в XVI—XVII вв.

мысловое хозяйство с господством охоты и рыболовства и элементами оленеводства; немногочисленные домашние олени используются только для транспорта; питание мясом диких оленей, птиц и рыбой; одежда и жилище из шкур диких оленей или других диких зверей, добываемых охотой; стабильная численность населения.

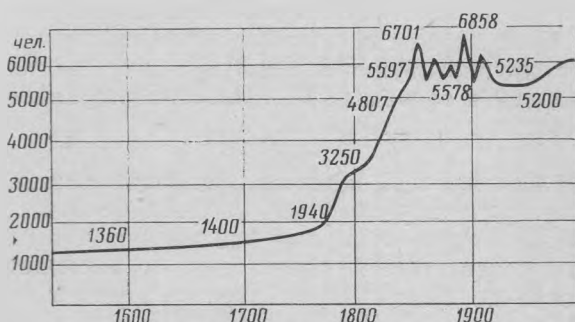


Рис. 1. Изменение численности европейских ненцев в XVI—XX вв. (по: Б. О. Долгих, Очерки по этнической истории ненцев и энцев)

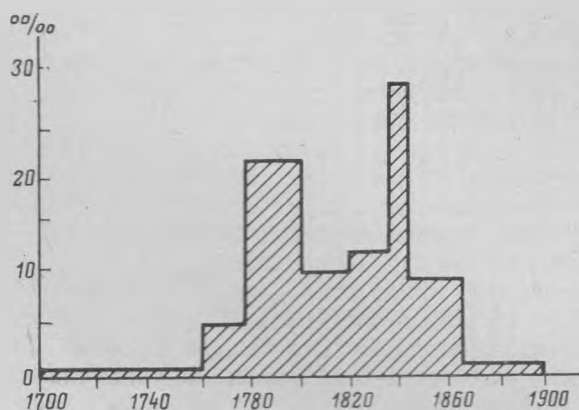


Рис. 2. Изменение темпов естественного прироста европейских ненцев в XVIII—XIX вв. (по данным Б. О. Долгих, Очерки по этнической истории ненцев и энцев)

II. Период становления крупнотабунного оленеводства (начало — конец XVIII в.). Неожиданно бурный рост поголовья домашних оленей; появление крупных (в сотни и тысячи голов) стад; сохранение ведущей роли в хозяйстве охоты и рыболовства, питание мясом диких зверей, птиц и рыбой; одежда и жилище из шкур диких оленей; использование домашних оленей исключительно для транспорта; подчинение оленеводства производственным интересам охоты и рыболовства; господство прежних психических стереотипов, направленных на максимальное оберегание оленьего поголовья. Резкое усиление имущественного неравенства; начало хозяйственной и социальной перестройки ненецкого общества. Население сохраняется на прежнем уровне и начинает медленно возрастать только к концу периода.

III. Период превращения оленеводства в форму производящего хозяйства (конец XVIII — середина XIX в.)⁶⁴.

⁶⁴ Для европейских ненцев. У сибирских ненцев этот период заканчивается только к началу XX в., а местами — даже с коллективизацией.

Изменение численности европейских ненцев в XVI—XX вв.**

Дата	Численность	Дата	Численность	Дата	Численность	Дата	Численность
Середина XVI в.	1360	1841	4495	1880	5598	1897	6113
Конец XVII в.	1400	1844	5540	1885	5555	1898	6013
1783 г.	2766	1850	5746	1886	6267	1900	5272
1798 г.	3250	1857	5938	1889	5424	1904	5861
1801 г.	3100	1867	6161	1890	5400	1906	6093
1816 г.	3352	1873	6050	1893	5466	1913	6217
	(3652)	1879	5578	1895	6858	1926	5235
1839 г.	4914						
	(4807)						

* Таблица составлена по: Б. О. Долгих, Очерки по этнической истории ненцев и энцев, стр. 22. Данные об изменении численности европейских ненцев см. также: «Изв. Архангельского общества изучения Русского Севера», 1909, № 8, стр. 51; С. К. Патканов, О приросте инородческого населения Сибири, СПб., 1911, стр. 48; А. И. Бабушкин, Большеземельская тундра, Сыктывкар, 1939, стр. об. ч. др.

** Резкие скачки численности между соседними датами (особенно начиная с середины XIX в.) отражают в большинстве случаев не реальное движение населения, а его миграции — приход оленеводов из Сибири или, напротив, переселение европейских ненцев за Урал. Такие миграции особенно усиливались в годы массовых падежей домашних оленей от сибирской язвы или копытницы, которые, по собранным данным, повторялись периодически через 10—12 лет: в начале 30-х, в начале 40-х годов XIX в., в 1874—1875, 1886—1888, 1896—1898, 1907, 1915 гг.

Резкое сокращение численности диких оленей и вызванная этим некоторая нехватка пищи и, главным образом, сырья для производства одежды, обуви, жилищ и т. п.; начало регулярного забивания домашних оленей сперва на шкуру, а затем и на мясо; выделение особой плодовой части стада. Быстрый рост численности населения.

IV. Период крупнотабунного кочевого оленеводства как господствующей формы тундровой экономики (середина XIX—30-е годы XX в.). Кочевой образ жизни, всецело подчиняющийся интересам оленеводства; сокращение в хозяйстве роли рыболовства и особенно охоты на мясного зверя; регулярные заботы домашних оленей на мясо и шкуру; питание мясом домашних оленей, рыбой и птицей; одежда, обувь и жилище только из шкур домашних оленей; богатство оленевода определяется уже размером не транспортной, а плодовой части стада; превращение оленеводства из натуральной в товарную форму хозяйства; дальнейшее усиление имущественного расслоения, разорение и переход значительной массы бедняков-оленеводов к батрачеству и товарному рыболовству. Население достигает определенной численности и далее вновь остается стабильным.

THE RISE OF LARGE-SCALE REINDEER-BREEDING AMONG THE NENETS OF THE TUNDRA

A concrete case of the transition from food-gathering to food-producing economy is examined in the paper on the example of the rise of reindeer-breeding in large herds among the Nenets of the tundra. The author reaches the conclusion, based upon his study of historical materials, of a comparatively late (middle-to-close of the 18th century) origin of large-scale reindeer-breeding in the tundra zone of Eurasia. Previously the economy of the Nenets (as well as that of the Enets, Nganasans, Chukches, Yukaghirs, etc.) was chiefly founded on hunting wild reindeer and fishing; the extremely small number of domestic reindeer were used exclusively for transportation. Large-scale reindeer-breeding began with the rapid rise in the numbers of domestic reindeer in the 18th century. In its evolution reindeer-breeding passed through several successive changes; it was only by the middle of the 19th century that it became dominant in tundra economy. The rapid increase in the Nenets population during that period indicates that reindeer-breeding permits a 4 to 4.5 times more effective utilization of the natural environment resources than fishing and wild reindeer hunting.